

8. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах : Принят Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 1966 г. // Международная защита прав и свобод человека : сб. док. — М., 1990.

9. Михайлов, В. А. Цели уголовного судопроизводства / В. А. Михайлов // Публ. и част. право. — 2011. — Вып. I (IX).

10. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. Около 57 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. — 17-е изд., стер. — М. : Рус. яз., 1985.

11. Российская Федерация. Законы. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2201-1. — М. : Проспект : КноРус, 2011.

12. Российская Федерация. Законы. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 139-ФЗ // СЗ РФ. — 1995. — № 29. — Ст. 2759.

13. Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью / сост. Т. Н. Москалькова [и др.]. — М. : СПАРК, 1998.

14. Словарь русского языка : в 4 т. — Т. III : П—Р / ред. Т. III В. В. Розанова, И. И. Матвеев. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Рус. язык, 1984.

15. Словарь русского языка : в 4 т. — Т. IV : С—Я / ред. Т. IV Л. Л. Кутина, В. В. Замкова. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Рус. яз., 1984.

16. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : По состоянию на 10 апреля 2011 г. — М. : Проспект : КноРус, 2011.

17. Уголовный кодекс Российской Федерации. — М. : Проспект : КноРус, 2011.

18. Цыганенко, Г. П. Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. — Киев : Радянська школа, 1970.

А. Г. Калугин

Уголовное преследование и отказ от уголовного преследования на начальном этапе уголовного судопроизводства

В статье анализируется понятие «уголовное преследование», определен на законодательном уровне его начальный момент, рассматриваются сущность и содержание стадии возбуждения уголовного дела; предлагается авторский вариант процессуального порядка отказа от уголовного преследования на начальном этапе уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное преследование; стадия возбуждения уголовного дела; отказ от уголовного преследования.

В пункте 55 ст. 5 УПК РФ впервые в отечественном законодательстве принята попытка дать легальное определение понятию «уголовное преследование», хотя сам этот термин давно известен и широко применялся ранее как в уголовно-процессуальной теории, так и в правоприменительной практике. В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.¹ фигурировали два термина: «судебное преследование» и «уголовное преследование». При этом первый вариант по существу использовался как синоним понятий «уголовное дело», «производство по делу» (так, в ст. 2 УУС указывалось, что «судебное преследование возбуждается как должностным лицом, так и частными лицами»; ст. 16 УУС устанавливала основания прекращения судебного преследования). Однако непосредственно в нормах УУС содержание уголовного преследования не раскрывалось. Термин «уголовное преследование» упоминался в трех статьях УУС (ст. 529, 542 и 772), регулировавших приостановление, прекращение и возобновление уголовного преследования. При этом предметом регулирования выступала процессуальная деятельность, осуществляемая в отношении конкретного лица (см.: [8. С. 9—10]).

В УПК РСФСР 1922 г. уже использовался термин «уголовное преследование», однако и в этом источнике уголовно-процессуального права не рас-

¹ Далее: УУС.

крывалось его содержание. В статье 4 данного УПК определялись случаи, когда уголовное преследование не подлежало возбуждению или его надлежало прекратить; ст. 9 УПК устанавливала обязанность прокурора по возбуждению уголовного преследования перед судами и следственными органами по всякому совершившемуся и подлежащему наказанию преступлению.

В УПК РСФСР 1960 г. термин «уголовное преследование» не использовался, хотя в практике органов предварительного расследования такое словосочетание употреблялось, например, в постановлениях следователей, дознавателей «о прекращении уголовного преследования в части предъявленного обвинения».

УПК РФ 2001 г. определяет уголовное преследование как процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Анализ множества встречающихся в научной литературе определений уголовного преследования, предлагавшихся в разные годы разными авторами (см.: [4. С. 8—9; 6. С. 25; 7. С. 12; 10. С. 14; 13. С. 144; 14. С. 81—82; 15. С. 24; 16. С. 7]), позволяет выделить основные элементы, составляющие, по мнению большинства исследователей, сущность этого понятия: это урегулированная уголовно-процессуальным законом деятельность специально уполномоченных на то органов и должностных лиц (субъектов обвинения) в пределах их компетенции, направленная на обеспечение неотвратимости наказания за совершенное преступление или на установление оснований применения принудительных мер медицинского характера либо принудительных мер воспитательного воздействия, включающая в себя:

- 1) возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица;
- 2) собиране доказательств, уличающих конкретное лицо в совершении преступления или устанавливающих отягчающие его вину обстоятельства, в том числе путем проведения следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан;
- 3) формулирование вывода о совершении конкретным лицом конкретного общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (обвинения), и обоснование (поддержание) его перед судом;
- 4) применение к обвиняемому (подозреваемому) мер процессуального принуждения, обеспечивающих изобличение его в совершении преступления и применение к нему наказания;
- 5) деятельность субъектов обвинения в стадиях исполнения приговора, апелляционного, кассационного, надзорного производства, направленную на реализацию уголовной ответственности.

Рассмотрение перечисленных элементов как в системе, так и по отдельности, а также анализ приведенного в п. 55 ст. 5 УПК РФ нормативного определения позволяют сделать следующие выводы:

- а) деятельность, именуемая уголовным преследованием, может осуществляться лишь в отношении конкретного лица; хотя в литературе встречались попытки, на наш взгляд не слишком удачные, обосновать существование так называемого неперсонифицированного уголовного преследования (если в момент возбуждения уголовного дела сведения о лице, совершившем преступление, отсутствуют) в качестве самостоятельного вида либо первоначального этапа уголовного преследования (см.: [2. С. 14; 3. С. 14—15; 5. С. 15; 10. С. 14]);

б) уголовное преследование осуществляется в отношении лица, обладающего определенным процессуальным статусом — подозреваемого или обвиняемого (в дальнейшем — подсудимого).

Однако наиболее существенным, ключевым признаком того, что уголовное преследование начато, все же следует признавать «фактическое ограничение прав» изобличаемого лица (см.: [1. С. 14—15; 2. С. 7]).

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П указал, что под уголовным преследованием следует понимать любые меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность лица. «Факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него» [12. Ст. 2882].

Действительно, фактическая деятельность, направленная на установление причастности конкретного лица к совершению преступления и на изобличение в нем, в том числе и содержащая элементы государственного принуждения, зачастую начинается задолго до появления у этого лица какого-либо процессуального статуса, в частности, и до возбуждения уголовного дела. В литературе встречаются различные наименования этого этапа обвинительной деятельности: «изобличительная деятельность», «фактическое уголовное преследование», «деятельность по проверке причастности лица к совершению преступления» и др.

В связи с этим одним из наиболее актуальных вопросов как для уголовно-процессуальной доктрины, так и для правоприменительной практики на сегодняшний день является вопрос: насколько возможно определить и формально закрепить в законе начальный момент уголовного преследования, поскольку эта грань определяет законность всех последующих ограничений прав и принудительных мер?

Поскольку уголовное преследование направлено в конечном счете на применение норм уголовного права, иными словами, является средством реализации уголовной ответственности, а фактической основой уголовного преследования является доказывание как единственное средство установления фактических обстоятельств, имеющих значение для дела (см.: [3. С. 14—15; 5. С. 11, 15]), следует признать справедливость позиции тех авторов, которые определяют уголовное преследование как сугубо процессуальную деятельность; следовательно, недопустимо включать в ее содержание элементы оперативно-розыскной и административной деятельности. По их мнению, уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела, а также независимо от формального процессуального статуса лица — с момента применения к нему принудительных мер, ограничивающих свободу и личную неприкосновенность (см.: [2. С. 12]).

Проанализируем с этих позиций стадию возбуждения уголовного дела в том виде, в каком она существует на сегодняшний день.

Многие виды преступлений, составляющие значительный сегмент в структуре современной преступности (в первую очередь преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, оружия, коррупционные и экономические преступления), выявляются исключительно с использованием средств и методов оперативно-розыскной и контрольно-проверочной деятельности правоохранительными и контролирующими органами.

В результате этой деятельности не только формируются поводы и устанавливаются основания для возбуждения уголовного дела, но и фактически собирается и закрепляется значительная часть информации, имеющей важнейшее доказательственное значение. В частности, в ходе таких оперативно-розыскных мероприятий, как оперативный эксперимент, проверочная закупка, контролируемая поставка, сотрудниками оперативных подразделений преступная деятельность конкретных лиц наблюдается в режиме реального времени, пресекается (что, в свою очередь, предполагает задержание лица с поличным в момент совершения преступления); при этом фиксируются и изымаются следы преступления.

Не случайно в научной и учебной литературе в числе действий, составляющих содержание стадии возбуждения уголовного дела, как правило, называют принятие мер для пресечения преступления, закрепления и сохранения его следов. Вместе с тем законодатель никак не обозначает этот аспект в разделе VII УПК РФ, регламентирующем порядок возбуждения уголовного дела. Лишь в некоторых нормах гл. 24, посвященных отдельным следственным действиям (осмотру и освидетельствованию), мы находим косвенное подтверждение того, что задача обнаружения и закрепления следов преступления уголовно-процессуальными средствами может решаться и до возбуждения уголовного дела.

В рамках же традиционного подхода к определению задач стадии возбуждения уголовного дела ее предназначение сводится к установлению оснований для начала производства по делу, т. е. для начала деятельности по установлению и исследованию обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Исключительно об этом, собственно, и говорится в нормах разд. VII УПК РФ.

Однако в значительном числе случаев установление объективных признаков преступления требует определенных действий. Так, чтобы выяснить, имел ли место факт сбыта наркотиков, недостаточно, скажем, рапорта сотрудника оперативного подразделения о получении им из конфиденциальных источников информации о том, что некто занимается торговлей наркотиками. Нужно задержать конкретное лицо (сбытчика) с поличным и зафиксировать при помощи технических средств сам процесс сделки, изъять у него средства платежа и убедиться в наличии у этих предметов индивидуально-определенных признаков (например, номеров денежных купюр, специальных пометок, предварительно нанесенных сотрудниками оперативного подразделения, и т. п.), изъять приобретенное вещество и подвергнуть химическому исследованию, чтобы определить качественные и количественные характеристики, позволяющие отнести его к наркотическим средствам.

С точки зрения конечной цели и содержания вся эта деятельность является не чем иным, как собиранием доказательств, тем более что их повторить («для протокола») невозможно, как невозможно дважды выстрелить одним и тем же изъятым патроном (вначале при «исследовании», затем в процессе экспертизы), нельзя дважды исследовать повреждения внутренних органов на одном и том же трупе, поскольку в ходе исследования они необратимо видоизменяются, и т. д.

Таким образом, на этом этапе собирается и документально закрепляется информация, имеющая важнейшее доказательственное значение, но по своей форме и способу получения доказательством не являющаяся. Это, в свою очередь, порождает необходимость впоследствии дублировать большую часть так называемых проверочных действий следственными действиями, дабы придать имеющимся сведениям процессуальную форму доказа-

тельств. Например, по данным Экспертно-криминалистического центра (ЭКЦ) МВД России за 2007 г., только подразделениями центрального аппарата этой службы, которым поручаются лишь наиболее сложные исследования, было выполнено 1 300 исследований в рамках доследственных проверок и 1 200 экспертиз по уголовным делам [17]. Комментарии, как говорится, излишни.

Однако ни выемка или обыск, ни производство экспертизы, ни задержание по подозрению в совершении преступления на стадии возбуждения уголовного дела законом не допускаются, как не допускается и применение других мер процессуального принуждения, хотя фактически захваченное с личным на месте преступления лицо, преступная деятельность которого документировалась в ходе доследственной проверки, уже лишено свободы передвижения и находится в руках сотрудников правоохранительных органов.

В действительности лица, с участием которых или в отношении которых проводится доследственная проверка, зачастую принудительно доставляются в правоохранительные органы, длительное время находятся в служебных помещениях, где сотрудники органов дознания, применяя различные, в том числе и противозаконные, методы, пытаются получить интересующие их «объяснения». Эта практика существует повсеместно и общеизвестна.

Таким образом, уже на этом этапе, хотя решение о возбуждении уголовного дела процессуально еще не оформлено следователем (дознавателем), в деятельности сотрудников правоохранительных органов налицо все основные системообразующие элементы уголовного преследования. При этом лица, чьи права и законные интересы непосредственно затрагиваются при производстве доследственной проверки, не обладают на стадии возбуждения уголовного дела статусом участников уголовного процесса и не имеют возможности пользоваться правами и процессуальными гарантиями, которые несет в себе уголовно-процессуальная форма.

Так, президиум Тюменского областного суда, проверяя в порядке надзора решение по жалобе, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, на постановление органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела, в своем постановлении указал, что оперуполномоченный Отдела по борьбе с экономическими преступлениями (ОБЭП), отказав в возбуждении уголовного дела за истечением сроков давности, одновременно установил в действиях гражданина С. наличие состава преступления, тем самым возложив на себя полномочия суда, что противоречит принципу осуществления правосудия только судом. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ постановление президиума областного суда отменила, указав, что оперуполномоченный в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела «не устанавливал вину» [11]. В результате гражданину С. не удалось добиться принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела по реабилитирующему основанию, а в постановлении органа дознания осталась порочащая его репутацию официальная констатация факта совершения им преступления.

В то же время лица, у которых получают объяснения сотрудники органов следствия и дознания в ходе проверки сообщения о преступлении, не несут никакой ответственности за умышленное сообщение правоохранительным органам заведомо ложной информации. В равной мере не несут они и обязанности реагировать на вызовы должностных лиц, проводящих проверку о преступлении. Таким образом, любые формы умышленного противодействия деятельности органов предварительного расследования по проверке сообщений о преступлениях (за исключением заведомо ложного доноса) не образуют оснований

для применения каких-либо мер государственного принуждения, которыми уголовно-процессуальная деятельность в других стадиях процесса обеспечивается в полной мере. Между тем последствия такого противодействия очевидны: в основу принимаемых решений о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела (в том числе в отношении конкретного лица, включая и такие нереабилитирующие основания, как истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности или смерть подозреваемого) нередко закладываются попросту недостоверные сведения.

Сама правовая природа уголовно-процессуального решения, связанного с отказом от начала или продолжения уголовного преследования либо с его возбуждением, влекущего определенные правовые последствия для лиц, которых оно касается, предполагает, что это решение должно быть основано на достоверных и допустимых доказательствах, а не просто на «сведениях», к достоверности, допустимости и достаточности которых никто никаких формальных требований не предъявляет, полученных способами, не предусмотренными не только уголовно-процессуальным, но и в некоторых случаях вообще никаким законодательством.

Из всего сказанного с очевидностью следует, что при существующем процессуальном порядке решение об отказе в возбуждении уголовного дела по существу является отказом не от уголовного преследования конкретного лица, а, прежде всего, от уголовно-процессуальной формы установления события преступления и обстоятельств его совершения. Это, в свою очередь, отнюдь не способствует решению задач уголовного судопроизводства, поскольку фактически создает предпосылки для произвольного ограничения доступа к правосудию лиц, потерпевших от преступлений.

Институт отказа в возбуждении уголовного дела, который по существу является отказом от исследования обстоятельств дела, необходимо заменить институтом отказа от уголовного преследования, начало которого следует связывать, прежде всего, с предъявлением конкретному лицу формально определенного подозрения или обвинения, сочетаемого с применением мер процессуального принуждения. Для этого потребуется, прежде всего, уточнить перечень оснований, содержащихся в ч. 1 ст. 46 УПК РФ, и более четко регламентировать процедуру придания лицу статуса подозреваемого.

В качестве универсальной процессуальной формы такого решения может быть постановление о возбуждении уголовного преследования, которое может отражать самостоятельное решение, а может сочетаться с задержанием лица в качестве подозреваемого или применением к нему меры пресечения (см.: [8. С. 18]). В основу процедуры доведения такого решения до подозреваемого с учетом определенной доработки (см.: [9. С. 151—155]) может быть положен предусмотренный ст. 223.1 УПК РФ порядок уведомления о подозрении.

Соответственно необходим принципиальный отказ от взглядов на возбуждение уголовного дела как на самостоятельную стадию уголовного процесса. Доследственная проверка должна быть заменена полноценным уголовно-процессуальным расследованием (полицейским дознанием), что позволит отказаться от порочной «классификации» способов собирания сведений об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания, на процессуальные и непроцессуальные в зависимости от того, «до» или «после» возбуждения уголовного дела разрешается производство соответствующих действий. Основанием для начала полицейского расследования должен являться факт регистрации сообщения о преступлении. Целью расследования на начальном этапе должно быть установление в событии признаков преступления и

лица, его совершившего. Применение мер процессуального принуждения на этом этапе невозможно, за исключением обязательства о явке, привода и денежного взыскания. Следственные действия, ограничивающие конституционные права граждан, безусловно, должны проводиться под судебным контролем.

Завершаться этот этап должен возбуждением уголовного преследования в отношении конкретного лица либо отказом от уголовного преследования и прекращением производства по делу.

Поскольку, как уже было сказано в самом начале, процессуальное решение как о начале уголовного преследования в отношении конкретного лица, так и об отказе от него должно приниматься на основе достоверных данных, полученных с соблюдением процессуальных гарантий прав и законных интересов граждан, объективно нуждается в изменении и подход к уголовно-процессуальному регулированию процесса доказывания. В частности, целесообразно унифицировать требования к процессуальной форме доказательств, устранить существующие в этой части различия между уголовным, гражданским, арбитражным и административным процессом. Это обеспечит возможность «свободного перехода» одного и того же доказательства из административного производства в уголовное дело, из уголовного дела — в гражданское и т. д. без необходимости дополнительно придавать ему «новую» процессуальную форму, соответствующую той или иной отрасли права. Такая унификация должна проводиться с учетом обеспечения процессуальных гарантий конституционных прав личности, которые на сегодняшний день наиболее полно представлены в уголовно-процессуальном порядке производства следственных действий.

Окончательное признание представленных сторонами сведений доказательствами должно принадлежать суду. Что же касается процедуры собирания сведений и формы их документального закрепления в досудебном производстве, то для оценки допустимости доказательств вполне достаточно двух критериев, используемых в мировой практике:

- а) способ получения и фиксации сведений должен обеспечивать их достоверность (проверяемость);
- б) при получении доказательственной информации любое ограничение конституционных прав и свобод граждан допускается лишь на основании судебного решения и в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом.

The article analyzes the «criminal prosecution» concept, defines its initial moment at the legislative level, the essence and content at the proceedings initiation stage; it offers the author's variant of the procedural order for the refusal of criminal prosecution at the initial stage of criminal legal proceedings.

Keywords: criminal prosecution, initiation stage of criminal case, refusal of criminal prosecution.

Литература

1. Булатов, Б. Б. Процессуальное положение лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Б. Б. Булатов. — Омск, 2011.
2. Горлова, С. В. Уголовное преследование как проявление публичности в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Горлова. — Челябинск, 2006.
3. Донской, Д. Д. Функция уголовного преследования на этапе досудебного производства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. Д. Донской. — Ростов н/Д, 2005.
4. Еникеев, З. Д. Уголовное преследование : учеб. пособие / З. Д. Еникеев. — Уфа, 2000.
5. Козубенко, Ю. В. Уголовное преследование: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю. В. Козубенко. — Екатеринбург, 2006.
6. Ларин, А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции / А. М. Ларин. — М., 1986.

7. Лобанов, А. П. Функция уголовного преследования и защиты в досудебном уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. П. Лобанов. — М., 1996.
8. Мазюк, Р. В. Уголовное преследование в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р. В. Мазюк. — Иркутск, 2007.
9. Муравьев, К. В. Условия уведомления о подозрении в совершении преступления требуют уточнения / К. В. Муравьев // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. матер. 14-й науч.-практ. конф. : в 2 ч. — Красноярск, 2011.
10. Николаев, М. В. Участие потерпевшего в уголовном преследовании по делам публично-го и частно-публичного обвинения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. В. Николаев. — Томск, 2008.
11. Определение Верховного Суда РФ от 10 июня 2005 г. № 89-Д05-21 // Бюл. Верховного Суда РФ. — 2006. — № 11.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова // СЗ РФ. — 2000. — № 27.
13. Соловьев, А. Б. Функция уголовного преследования в досудебных стадиях процесса / А. Б. Соловьев // Прокуратура и правосудие в условиях судебно-правовой реформы. — М., 1997.
14. Строгович, М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе / М. С. Строгович. — М., 1951.
15. Сухарева, Н. Д. О понятии уголовного преследования / Н. Д. Сухарева // Рос. следователь. — 2002. — № 10.
16. Халиулин, А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации: проблемы осуществления в условиях правовой реформы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. Г. Халиулин. — М., 1997.
17. Эксперты «читают» фальшивые купюры // Шит и меч. — 2008. — № 9, 6 марта.

О. В. Хитрова

Позиции сторон, независимость и беспристрастность суда в уголовном судопроизводстве

Статья посвящена влиянию позиции сторон в уголовном судопроизводстве на независимость и беспристрастность суда.

Ключевые слова: Конституция РФ, федеральный конституционный закон, уголовное судопроизводство, сторона обвинения, сторона защиты, суд, независимость суда, беспристрастность суда.

В Конституции РФ сформулировано положение о том, что судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону (ст. 120), которое вполне справедливо и в правовой теории рассматривается как конституционный принцип судостройства и судопроизводства.

В Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» (ч. 2 ст. 1) закреплено положение о том, что судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной властей. В статье 5 этого закона раскрывается содержание таких критериев (свойств, признаков) судебной власти, как самостоятельность и независимость судей¹. В качестве признаков (и одновременно гарантий) независимости судов и судей называются: 1) подчинение судей только Конституции РФ и закону; 2) осуществление судебной власти независимо от чьей-либо воли; 3) недопустимость издания в Российской Федерации правовых актов, отменяющих или умаляющих самостоятельность судов, независимость судей; 4) ответственность лиц, виновных в оказании незаконного воздействия на судей, участвующих в осуществлении правосудия, а также за вмешательство в деятельность суда; 5) установление Конституцией РФ и федеральным законом гарантий независимости судей (к ним следует отнести положения:

¹ Заметим, что слова «независимость» и «самостоятельность» в русском языке являются синонимами (см.: [1. С. 210; 11. С. 274]).